

После постыдного возвращения из Призрачных земель наш отряд впал в немилость. А ведь я не был в нем ни магом, ни летописцем, ни капитаном! Провал поражал своим законченным совершенством. Словно отряды наемников Аметиста и Роз против нас сговорились.

Через пару лет, в ближайший год Кометы, **меня** не стало.

События, это предвещающие, были воистину удивительными. В одночасье реки текущей плоти заполонили подвалы Библиотеки Марша и археологический комплекс. В бугристых выростах нам доводилось узнавать знакомые лица, в вытянутых – сухие руки ветхих стариков и старух. Он не щадил никого – все шло в дело.

Последнее, что я помню – яркую Комету в ночном небе и тянущуюся к ней, словно рука младенца к единственному узнаваемому лицу, плоть плоти. Затем корень в основании горы мяса оплел мою ногу.

Дальше были **мы**.

Мы карабкались вверх, и в том было единственное стремление: остальное – лишь инструмент.

Когда **мы** выплюнули **меня**, -- не знаю отчего я оказался дальше не нужен, – я, облепленный слизью, проклиная все и благословляя свободу, – увидел лишь ту же гору плоти, ползущую прочь из города. На сей раз в ней были вкрапления текстов: драгоценных свитков и папирусов, а следом тянулись россыпи глиняных табличек, все клинья с которых были точно обглоданы или слизаны. Он забрал с собой не только мясо: все бесценные записи, все слова, до которых смог дотянуться. Зачем?

Спустя годы, вспоминая час освобождения, я вспоминаю и час слияния – и отчаянное стремление башни ввысь – из детской прихоти или ради осмысленной цели?

Будто безудержная алчность, и ненасытный голод, и похоть ему помогут. Будто, собрав достаточно плоти и букв, он наконец совладеет с собственной тяжестью и достигнет неба и вожденной алой звезды, – или же небо упадет само.